

Богатый ландшафт аффордансов

ЭРИК РИТВЕЛЬД

ORCID: 0000-0001-5197-142X

ЮЛИАН КИВЕРСТЕЙН

ORCID: 0000-0003-3428-8367

Рекомендация для цитирования:
Ритвельд Э., Киверстейн Ю. (2024)
Богатый ландшафт аффордансов.
Социология власти, 36 (2): 170-206.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-170-206>

For citations:
Rietveld E., Kiverstein J. (2024) A Rich
Landscape of Affordances. *Sociology of
Power*, 36 (2): 170-206.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-170-206>

Поступила в редакцию: 10.01.2024;
прошла рецензирование: 14.04.2024;
принята в печать: 25.04.2024
Received: 10.01.2024; Revised:
14.04.2024; Accepted for publication:
25.04.2024

This article is an open access article
distributed under the terms and con-
ditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

Насколько широкий класс аффордансов¹ мы можем воспринимать? Аффордансы [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] — это возможности действовать, определенные для животного средой его обитания через окружающие его вещества, поверхности, объекты и других живых существ. Согласно широко распространенному предположению, аффордансы связаны прежде всего с движением — с перемещением в пространстве и с движениями рук, то есть с возможностью до чего-либо дотянуться и схватить. Мы предлагаем новое представ-

Перевод с англ. выполнен Н. Волковой по: Rietveld E. & Kiverstein J. (2014) A Rich Landscape of Affordances. *Ecological Psychology*, 26(4): 325-352. 10.1080/10407413.2014.958035. Редакторы перевода Екатерина Абрамова, Екатерина Печенкова и Анна Шварц. Перевод согласован с авторами, разрешение на перевод получено от издательства в 2019 году. Переводчик выражает глубокую признательность редакции «Российского журнала когнитивной науки», без комментариев и корректировок которых в переводе были бы упущены многие важные детали.

1 В переводе книги Джеймса Гибсона «Экологический подход к зрительному восприятию» (Москва, 1989) слово affordance переведено как возможность, однако оговаривается, что это возможность особого рода, как на это указывает сам автор. В данном переводе, в силу наличия более устоявшегося перевода affordance как аффордансы, это будет основным переводом (здесь и далее примечания переводчика и редакторов).

ление об аффордансах, согласно которому концепция аффордансов может применяться гораздо шире, чем это допускалось ранее. Мы покажем, что аффордансы, которые среда обитания предлагает животному, зависят от навыков, которыми это животное обладает. Благодаря развитию многочисленных способностей для человека ландшафт аффордансов оказывается очень богатым и насыщенным.

Предлагаемый подход расширяет традиционное понимание аффордансов. До сих пор аффордансы рассматривались как моторные возможности животного или человека, предоставляемые ему внешней средой, например, сидеть, ходить, возможность дотягиваться до предметов или схватывать их и т.п. Основной целью статьи будет создание новой концепции аффордансов (возможностей). Предлагаемое понимание аффордансов показывает, что их использование животными включает реализацию тех или иных способностей в определенном контексте. Мы считаем, что аффордансы, предлагаемые средой обитания, зависят от способностей, доступных в каждой конкретной экологической нише. Предшествующие философские исследования аффордансов отрицали их зависимость от соответствующего развития навыков в каждой конкретной ситуации. Для ученого отрицание этой связи особенно проблематично, поскольку люди вовлечены в различные социокультурные практики. Экологическую нишу человека создает и формирует то богатое разнообразие социальных практик, в которые люди вовлечены. Поэтому далее мы будем развивать подход к аффордансам для людей, который выводит на первый план контекст социокультурных практик. В этом случае обнаруживается, что понятие аффордансов, определяемых средой обитания, значительно шире, чем предполагалось ранее (несколько важных исключений, уже существующих в экологической психологии, представлены в работах [Costall 1999; Neft 2001]). Более того, используя такую расширенную философскую концептуализацию аффордансов, можно лучше оценивать насыщенность среды, в том числе той, которую мы строим сами (городской).

171

В каждой конкретной ситуации способности могут применяться хуже или лучше, адекватно или неадекватно, правильно или неправильно с точки зрения ситуации; таким образом, существует нормативный уровень для использования аффордансов, который также был пока мало изучен. Понятие нормативности обычно рассматривается применительно к сложным речевым практикам, в ходе которых люди обмениваются доводами, но мы утверждаем, что в самом общем смысле оно применимо и к использованию аффордансов в конкретных ситуациях. Предлагаемая статья ограничивается рассмотрением исключительно человеческого поведения, хотя это несколько не преуменьшает значимости типов поведения, которые можно наблюдать как среди людей, так и у животных. Рас-

сматриваемые в статье специфически человеческие умения и опыт, например, используемые при проектировании зданий, традиционно относятся к специфически человеческим или «высшим формам» познания¹. Однако это широкоупотребительное различие между «низшими» и «высшими» формами познания представляется непродуктивным. Нам кажется более подходящим различие, основанное на *уровне развития навыков или опыта* в использовании аффордансов, определяемых средой обитания.

После того как было дано определение связи аффордансов с условиями их использования, становится ясно, как это понятие может стать центральным для объяснения того, что Гибсон называет «целой областью социальных значимостей»² [Gibson 1979/1986: 127-128; Гибсон 1988: 190]. Такой подход открывает новые способы решения вопросов, которые «высшие» формы познания ставят перед исследованиями воплощенного познания³ в когнитивной науке. Мы предлагаем рассматривать «высшие» психические способности через призму умелого участия человека в социокультурных практиках и их материальной реализации. Развитые умения, относящиеся к сфере «высшего» познания, могут быть рассмотрены как избирательное взаимодействие с богатым ландшафтом аффордансов, присутствующих в конкретной ситуации.

Предлагаемая концептуальная система включает несколько полезных различий: аффордансов как таковых и релевантных аффордансов или «требований»⁴, а также аффордансов, доступных в экологической нише человека и экологических нишах животных. Она также позволяет разрешить спор между теоретиками, которые рассматривают аффордансы как доступный ресурс [Reed 1996; Silva, Garganta, Araújo, Davids & Agular 2013], и теми, кто рассматривает

1 Ритвельд и Киверстейн не пользуются словарем Выготского, однако с его текстами работают другие авторы, на которых он ссылается, например Рид. Поэтому, хотя использован перевод, согласующийся с концепциями Выготского, не стоит считать это прямой отсылкой к его работам в данном тексте.

2 В оригинале данного издания Гибсона не “spectrum”, а “whole realm of social significance for human beings”. Это относится ко всем ссылкам на данную цитату в тексте.

3 Embodied cognition: существуют различные варианты перевода данного термина: телесная когнитивная психология/наука, когнитивная наука второго поколения и т. д.

4 Англ. solicitations. Понятие «требований» Ритвельд вводит в статье 2008 года, заимствуя выражение из феноменологии аффордансов Дрейфуса и Келли, где «требования» означают требование среды, которому человек может отвечать, даже не осознавая этого (“experience in which the world solicits a certain kind of activity” [Dreyfus & Kelly 2007: 52]).

их как отношения [Chemero 2003, 2009], поскольку авторы статьи демонстрируют, что аффордансы могут быть определены и как отношение, и как ресурс.

Наконец, развитие теоретического понимания природы аффордансов как отношений оказывается важным для творческих профессий, поскольку оно может сделать человека более открытым использованию доступных ресурсов. Обращение к опыту, накопленному в социокультурных традициях, отличных от своей собственной, позволяет человеку увидеть новые возможности для действия в материальной среде.

Включенность аффордансов в формы жизни

Гибсоновское (1979/1986) понятие аффордансов сложно и неоднократно подвергалось критике, но, согласно общему мнению, аффордансы следует понимать как возможности действия, которые предоставляются животному его средой обитания — окружающими его веществами, поверхностями, объектами или другими живыми существами [Chemero 2003, 2009; Heft 2001; Michaels 2003; Reed 1996]. Гибсон [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] вводит понятие аффорданса¹ следующим образом:

173

«Возможности (affordances) окружающего мира — это то, что он предоставляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает — неважно, полезное или вредное» [p. 127; с. 188].

Упавший древесный лист, например, предоставляет возможность (*afford*) червю утащить его в норку [Darwin 1881; Дарвин 1936; Reed 1996], человеку, который знает, как пользоваться воздуходувкой, — убрать его с дорожки, а ребенку — собрать его в свой гербарий. В целом можно сказать, что поверхности дают возможность (*afford*) передвижения и опоры, вещества — возможности питания и обработки, объекты — возможности манипуляции, животные вовлекаются во взаимодействия, а люди — в «целую область социальных значимостей» одного человека для другого [Gibson 1979/1986: 127-128; Гибсон 1988: 190].

Удобное и четкое определение аффордансов как возможностей действия заслуживает многогранность и богатство значений этого понятия, которые можно найти в работах самого Гибсона [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988]. В частности, возникает риск утратить представление о том, как аффордансы, определяемые средой обитания,

¹ В русском дословном переводе «аффордансы» — это «возможности».

связаны со способом жизни животных, а также о нормативности, которая входит в понятие аффордансов в случае человека (см. раздел «Нормативность аффордансов»).

Гибсон, вводя понятие ниши [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988]¹, утверждает, что для каждого вида животных характерен особый образ жизни. Экологическая ниша строится и изменяется отдельными особями за счет видоспецифических действий. Все животные активно преобразуют характерные для них экологические ниши, чтобы сделать их более пригодными для проживания. Лаланд, Одлинг-Сми и Фельдман [2000] приводят примеры создания «гнезд, нор, убежищ, тропинок, паутин, плотин и среды с определенным химическим составом» [с. 133]. Важно еще раз подчеркнуть материальный характер среды, которая определяет аффордансы. Во всех приведенных примерах организмы переделывают материальную среду таким образом, чтобы она создавала возможности для действий, которые бы улучшали их жизнь.

Гибсон [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] связывает нишу животных и их образ жизни следующим образом:

174

«В экологии есть понятие *ниши*. Считается, что животные одного вида пользуются определенной нишей в окружающем мире или занимают ее — это совсем не то же самое, что *ареал обитания* вида; ниша скорее указывает на то, как живет животное, чем на то, где оно живет. Я считаю, что ниша — это набор возможностей.

Естественное окружение предлагает много способов существования, и образ жизни различных животных различен. Ниша подразумевает определенный тип животного, а конкретное животное подразумевает определенный тип ниши. Обратите внимание на взаимодополняемость того и другого» [р. 128; с. 190]

Мы развиваем идею Гибсона (Gibson 1979/1986) о том, что одна и та же материальная среда предполагает «много способов существования», а каждый тип или вид животных ведет уникальный образ жизни. Мы считаем, что отправной точкой для создания теории аффордансов должна быть идея Гибсона об «образе жизни» животных. Он ясно дает понять, что аффордансы, которые для конкретного вида животных определяет среда обитания, зависят от образа жизни этого вида. Тем не менее в случае человека, понятие «образа жизни» будет допускать различные толкования, оно может подразумевать как «образ жизни» человечества в целом, так и различные практики, характерные для конкретных культур. Мы считаем, что концепция аффордансов в отношении людей должна охватывать

1 Гл. 8, первый раздел «Ниши окружающего мира».

различия в их «образе жизни» и учитывать богатство и разнообразие социокультурных практик, которые реализуются в экологической нише человека. Рассматривая отношения людей, необходимо будет ввести понятие нормативности социокультурных практик. Предложенное Гибсоном понятие образа жизни поможет нам в описании многообразия аффордансов, доступных различным животным в соответствии с их «образом жизни», но чтобы исследовать разнообразные практики, характерные для человеческого образа жизни, нам понадобится другое понятие. Чтобы справиться с этим теоретическим затруднением, мы заимствуем из работ Витгенштейна понятие «форма жизни».

Форма жизни животного включает характер поведения, то есть относительно постоянные и регулярные способы совершения действий. В случае человека такой повторяющийся характер действий будет определяться нормативным поведением и обычаями человеческих сообществ. Людей объединяют не только биологические характеристики, но и укорененность в социокультурных практиках: разделяемые людьми относительно стабильные способы взаимодействий в ходе совместной жизни с другими (ср. “*feste Lebensformen*”) [Wittgenstein 1993: 397]. Конечно, человеческие практики могут существенно различаться, соответственно, есть много разных форм жизни. Сравните, например, практики академического сообщества и ремесленников. Хотя у них будет много общих способов совершения действий, расхождения также будут существенными. Тим Ингольд [2000/2011] утверждал, что основным различием между этими формами жизни можно считать телесные (*embodied*) навыки действующего субъекта, включенного в структурированное окружение:

175

Многое, если не все, что мы относим к культурному разнообразию, в реальности связано с различиями в навыках. Под навыками я понимаю не работу тела, а способности к действию и восприятию живого существа в целом (неразрывного единства тела и разума, в контексте богатой и насыщенной среды (*richly structured environment*) [с. 5].

Характерное историческое свидетельство и визуализацию «постоянно происходящих процессов», свойственных определенной форме жизни, можно найти в документальном фильме «Социальная жизнь малых городских пространств» [Уайт 1980], в котором Уильям Уайт использует замедленную съемку (*time-lapse camera*), чтобы зафиксировать и проанализировать, когда и где люди сидят или не сидят на площадях Нью-Йорка. В одном из эпизодов (начиная с 19'20) можно увидеть суету в общественном пространстве, в Пейли-парке, с различных точек зрения: с высоты птичьего полета и с высоты роста человека, проходящего через пространство, где сидят другие

люди. Для нас в этой сцене представляет особый интерес метод, которым Уайт варьирует различные способы анализа одних и тех же закономерностей поведения. Описывая, как люди сидят, он делает следующие наблюдения:

«Заметьте... есть тенденция у мужчин занимать передний ряд, а у женщин — задний. И в течение дня эти линии поведения остаются достаточно устойчивыми. И так день за днем. Но этот взгляд олимпийца (*Olympian perspective*) может вводить в заблуждение. С высоты будет ясна логика. Это ближе к правде, но только отчасти. Опуститесь ниже, на уровень человеческих глаз, с которого люди обычно видят пространство, и вы уже не увидите регулярности. Вместо этого будет своеобразная очаровательная пестрота. Люди располагаются так или иначе... Всегда есть возможность выбора».

Обе описанные точки зрения раскрывают различные, но дополняющие друг друга аспекты поведения людей в этом месте. С высоты птичьего полета (например, при замедленной съемке) можно увидеть общий рисунок поведения или социокультурной практики в этом месте, но когда используется крупный план, видно множество способов, которыми люди вовлекаются в реализацию предполагаемых парковым пространством возможностей для действия.

Гибкость, которой обладает понятие «форма жизни», позволяет выделить разнообразие практик в рамках образа жизни человека. Эти практики можно анализировать на трех разных уровнях: как человеческую форму жизни в целом (противопоставленную форме жизни других животных); как конкретную социокультурную практику (например, регулярности, которые видны в способах рассаживания ньюйоркцев); и, наконец, как использование аффордансов отдельными индивидами, что можно увидеть, сфокусировавшись на более детальном рассмотрении этой конкретной практики. Благодаря такому сведению воедино различных уровней анализа понятие формы жизни очень хорошо подходит для определения аффордансов. Понятие формы жизни относится не только к человеку, но и к животным. Витгенштейн [Wittgenstein 1953, para. 223, Витгенштейн 1994, п. 223] не ограничивал применение этого понятия только социокультурными практиками, например, он говорил о форме жизни львов. Концепция формы жизни может быть в равной степени применена к котам, дождевым червям, птицам-ткачам и людям [Hanfling 2002]. Поэтому вместо того, чтобы говорить о тех или иных животных или конкретных видах, как это делает Гибсон, в данной работе мы будем использовать понятие *форма жизни*. При этом форма жизни человека включает многообразие социокультурных практик, как, например, практики, характерные для строите-

лей и архитекторов, о которых пишет Витгенштейн [Wittgenstein 1953, 1978; Витгенштейн 1994, 1999].

Таким образом, первое дополнение, которое мы предлагаем для традиционного определения аффордансов, помещает их в контекст форм жизни. Аффордансы — это возможности для действий, которые среда обитания предлагает форме жизни. Тогда экологическая ниша — это переплетение взаимодействующих аффордансов, доступных для конкретной формы жизни в соответствии со способностями, которые проявляются в ее практиках, устойчивых способах совершения действий. Каждый отдельный аффорданс будет зависеть от экологической ниши. В следующем разделе будет показано, что помещение аффордансов в контекст форм жизни позволяет также анализировать нормативность на уровне социокультурных практик в рамках человеческой формы жизни.

Нормативность аффордансов

Чемеро [2003] предлагает полезную идею: рассматривать аффордансы как *отношения* между «признаками» (*features*) среды и способностями организмов. В этом подходе многое правильно, но нам необходимо развить отдельные положения, которые он не раскрывает. Линия рассуждения, предложенная в предыдущем разделе, показывает, что увязывание аффордансов со «способностями организма» не позволяет перейти к различным уровням анализа, в соответствии с которыми деятельность организма может быть описана. Более корректно будет рассматривать способности в контексте форм жизни. Для людей эти формы жизни будут социокультурными, поэтому способности, которые приобретаются в процессе умелого участия в различных практиках, — это способности адекватно действовать в соответствии со сложившимися нормами. Более того, если сфера способностей, доступных в данной форме жизни, включает способности выполнять действия, требующие квалификации и опыта, тогда становится очевидно, что ландшафт аффордансов гораздо богаче и разнообразнее, чем можно было бы предположить, опираясь на концепцию Чемеро [2003, 2009]. Расширится и спектр человеческого поведения, которое мы можем трактовать как использование аффордансов. Наконец, понятие формы жизни дает дополнительное преимущество, подчеркивая нормативный аспект использования человеком аффордансов, что и будет обсуждаться в данном разделе. Как уже должно быть понятно, в данной работе отстаивается утверждение о том, что люди и другие животные имеют способности, которые проявляются через навыки и умения. Чтобы лучше понять, что представляют собой навыки и как они приобретаются, необходимы наблюдения за различными видами

животных. Ингольд [2000/2011] разработал детальную концепцию навыка и научения, которая может быть применена как к людям, так и к другим животным:

«Так же, как и у человека, который плетет веревочные авоськи, способности птицы-ткача развиваются за счет активного исследования предлагаемых средой обитания возможностей выбора материалов и конструктивных элементов, а также возможностей тела двигаться, занимать определенную позицию или хватать. Кроме того, ключ к успешному строительству гнезда скрыт не столько в самих движениях, сколько в способности птицы добавить движениям изящной точности в соответствии с развитием формы гнезда в процессе его строительства» [р. 358].

И птица-ткач, и человек гибко соотносят свои движения с материальными аспектами доступных аффордансов. В ходе формирования навыка мы узнаем, в каких точках в нашей среде обитания можно найти аффордансы, соответствующие нашим целям, и на какие свойства среды обращать внимание. Формирование навыка у новичка включает в себя, как это называет Гибсон, «воспитание внимания»¹ [Gibson 1979/1986: 254; Гибсон 1988: 361, цит. по: Ingold 2000/2011: 354]. Важным элементом в процессе воспитания внимания будет вовлечение в него уже опытных практиков, которые могут избирательно показывать новичку нужные аспекты среды обитания и их аффордансы.

Важная роль социального и материального скаффолдинга² в процессе приобретения новых навыков подтверждается эмпирическими данными Патрисии Зуков-Голдринг [2012], которая подчеркивает важность «поддерживаемого подражания» (*assisted imitation*) и связи «организм–среда» при овладении речью. Воспитатели помогают младенцам «научиться, на что обращать внимание и что делать» [р. 571]. Они «помогают младенцам понять динамику взаимодействия аффордансов с физическими возможностями тела» [р. 571]. «[Они] вызывают/поддерживают действия, направляя внимание младенцев и позволяя им заметить определенные эле-

1 В русском переводе 1989 года используется выражение «роль внимания в этом процессе» [Гибсон 1989: 361]. Это можно перевести как обучение внимания, а можно как воспитание внимания. — Прим. ред.

2 Англ. scaffolding — буквально «строительные леса»; термин, близкий к понятию зоны ближайшего развития по Л. С. Выготскому. Лежащая в основе понятия скаффолдинга метафора строительных лесов описывает процесс обучения как постепенное выстраивание временных вспомогательных средств, с помощью которых учащийся овладевает новыми знаниями и умениями. — Прим. ред.

менты, отношения и события среди мириад других доступных возможностей» [p. 574].

Таким образом, в процессе воспитания внимания новичка знакомят с некоторой частью мира, которая имеет значение для определенной практики, и указывают ориентиры для деятельности. В результате новичок узнает, какие возможности для действий открывает этот аспект его среды обитания. Рассмотрим описание практики охотников, которое приводит Ингольд [2000/2011]:

«Новые охотники учились, сопровождая в лесу более опытных. В начале новичка инструктировали, на что надо смотреть, и его внимание было сосредоточено на деталях, которые в ином случае он, возможно бы, не заметил: другими словами, предполагалось, что он разовьет сложное перцептивное осознание свойств окружающей среды и возможностей, которые они предоставляют для действия. Например, новичок учился отмечать такие качества поверхностей, которые позволяли сказать, только прикоснувшись, как давно животное оставило этот след и как быстро оно передвигалось... Наставления, которые новичок получал — посмотреть на это, обратить внимание на то и так далее, — становились осмысленными только в условиях его взаимодействия со средой» [p. 37].

179

Когда новички вступают во взаимодействие с определенными аспектами среды обитания, их действия становятся предметом *нормативной* оценки: будут ли их действия хорошими или плохими, корректными или нет, с точки зрения конкретной ситуации. Представьте себе ребенка, который учит названия цветов: в значительной степени обучение детей происходит неявным образом и незаметно через подражание окружающим. В таких ситуациях ребенок учится проявлять интерес к тому, что нужно, с точки зрения того сообщества, в котором он живет. Социальная реакция играет ключевую роль: когда дети правильно называют цвет, их хвалят; если они используют слово не так, как это делается обычно, их поправляют. Когда дети приобретают опыт в назывании цветов, у них появляется интуитивное ощущение, какие употребления слов допустимы, а какие нет. Все свободнее ориентируясь в названиях цветов, они достигают момента, когда сразу непосредственно понимают, какое слово использовать в данном контексте.

Понятие нормативности, которое применяется в данной статье, когда речь идет о вовлечении умелого индивида во взаимодействие с аффордансами, связано с его способностью различать правильные и неправильные, хорошие и плохие, оптимальные и неоптимальные, адекватные и неадекватные действия в специфическом, конкретном материальном окружении. Этот тип нормативности мы

называем *ситуативной нормативностью*¹ [Rietveld 2008], поскольку именно гибкая интерпретация конкретной ситуации позволяет оценить, адекватны действия индивида или нет. Адекватность действий зависит в том числе от общих представлений о том, как должна реализовываться данная социокультурная практика. Тем не менее структуры поведения, которые могут быть выделены в рамках таких практик, в свою очередь появляются благодаря долгому процессу регулирования и адаптации поведения к аффордансам, которые предоставляют вещи как часть конкретного *материального окружения*.

Чтобы действия были адекватными, требуется не только участвовать в «разговоре» (*correspondence*) [Ingold 2013: 7]² или согласовывать свои действия с другими людьми, реализующими данную практику, но *также* сонастраивать свои действия с материальным окружением. Когда я попадаю мимо ступеньки, поднимаясь по крутой лестнице в амстердамскую квартиру, мое поведение при подъеме по лестнице не адекватно, потому что мое взаимодействие с *этой* лестницей не оптимально. Крутые лестницы Амстердама могут быть незнакомы мне, поскольку я недавно переехал в Голландию. То есть мои привычные действия не подстроены под эти специфические лестницы и то, какой характер действия при подъеме по ним они предполагают. Недостаток должного понимания физической формы (*materiality*) данной лестницы делает мое поведение при подъеме неадекватным.

В целом можно говорить о том, что опытные люди лучше знакомы со своим социальным и материальным окружением и способны «сотрудничать» [Ingold 2013: 128]³ с ним; они развивают свои способности, учась, как использовать специфические свойства физической среды, в которой происходит обучение. Результатом обучения становятся способности, укорененные в матери-

1 Англ. термин “situated normativity” близок с выражением “situated cognition”, которое иногда переводится на русский как контекстно-обусловленное. В данном случае контекстом, согласно которому сонастраиваются действия, выступает материальное окружение (ср. оригинал: “the actions being well attuned to material things”).

2 Термин Ингольда *correspondence* можно перевести двумя способами: «состоять в переписке» или «поддерживать разговор». Поскольку понятие «корреспонденций» уже зарезервировано транспортными исследованиями, в данном случае это выражение переведено как «поддержание разговора».

3 Ритвельд ссылается на Ингольда, но цитата, которую приводит Ингольд, из книги Юхани Палласмаа «Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия». Перевод “collaborations” приведен в соответствии с переводом, данным в этой книге [Палласмаа Ю. (2013) *Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия*. М.: Классика: 124-125].

альной среде и вплетенные в физическое пространство [Ноё 2009: 51], накладывающие отпечаток на конкретную форму жизни. Можно было бы задаться вопросом, как определяется правильность действий опытного практика или эксперта. Согласно представлению о нормативности у Витгенштейна [Wittgenstein 1953; Витгенштейн 1994], она определяется на уровне конкретных практик, в которые встроены действия индивида. Другими словами, Витгенштейн соотносит нормативность с формами жизни, которые могут быть описаны с разным уровнем детализации при анализе, как это было показано выше на примере наблюдения Уайта [1980] за способами рассаживания людей в Пейли-парке. Следуя логике Витгенштейна, философ Джон МакДауэлл также предполагает, что нерелексивные действия людей существуют даже в рамках коллективных практик [McDowell 1998; Rietveld 2008]:

Как действие может быть одновременно всего лишь «слепой» реакцией на ситуацию, а не попыткой действия в соответствии с интерпретацией... и примером следования правилу...? Ответ: если она принадлежит к определенному типу обычаев (*custom*) (PI 198) [Wittgenstein 1953, para. 198; Витгенштейн 1994, п. 198], определенному типу практик (*practice*) (PI 202) [Wittgenstein 1953, para. 202; Витгенштейн 1994, п. 202]¹ или определенной системе установлений (*institution*) (RFM VI-31)² [Wittgenstein 1956/1983; Витгенштейн 2007; McDowell 1998: 242].

181

Когда человек действует, умело отвечая на предоставленные аффордансы, его действия подвергаются оценке с точки зрения нормативности, поскольку он вовлекается в то, что Витгенштейн называет «слепым следованием правилу» [McDowell 1998; Rietveld 2008; Stein 1997]. То, как понимается нормативность (даже «слепого») следования правилу по Витгенштейну, не связано с тем, как следующий правилу субъект может его описать или как он может оценить условия его применения [Wittgenstein 1953, 1956/1983; Витгенштейн 1994, 2007]. В действительности эксперты сразу ощущают необходимость действовать в соответствии с умениями, приобретенными ими в ходе участия в традициях или практиках. Предполагается, что для успешной координации своей деятельности с активностью других им нужно *действовать в надежном соответствии с социокультурными практиками* или коллективными обычаями, но также *с учетом специфических деталей, характерных*

1 В русском переводе [Витгенштейн 1994] в обоих случаях используется слово «практика», в данном случае оно было заменено в соответствии со значением исходного текста.

2 В оригинале ошибка в ссылке, цитата из RFM VI-32.

для конкретной ситуации, в которой эта деятельность разворачивается. Понимание того, как нужно действовать в конкретной ситуации, будет общим с другими участниками, реализующими данную практику [Stein 1997: 211; Wittgenstein 1953, para. 241; Витгенштейн 1994, п. 241; Wittgenstein 1956/1983: VII-40]. Если опытный индивид делает что-то неверно, его действия будут расценены как отклоняющиеся от того, что должны делать опытные индивиды, относящиеся к его форме жизни. Но важна не согласованность мнений, а согласованность на уровне формы жизни: в том, как совершаются действия (например, в использовании языка), как люди совместно работают и как упорядочивают свои взаимодействия с другими людьми и с материальными элементами среды [Ingold 2000/2011: 163]. Согласно Витгенштейну [Wittgenstein 1953; Витгенштейн 1994: 170]:

«Итак, ты говоришь, что согласиём людей решается, что верно, а что неверно? Правильным или неправильным является то, что люди говорят; и согласие людей относится к языку. Это согласие не мнений, а формы жизни» [para. 241; п. 241].

182

Индивидуальная деятельность может быть нерефлексивной, но тем не менее она не будет не-нормативной благодаря сложному контексту практик, в котором она протекает [Rietveld 2008]. Кавелл [1969: 52] пишет об обучении и преподавании: «Мы говорим слово, и ребенок повторяет его. Что он повторяет? Все, что мы знаем, это то, что ребенок произносит звук, который мы одобряем». Когда опытный человек совершает неправильное действие, он или она мгновенно чувствует отклонение от требований ситуации или от того, что считается приемлемым в данной практике.

Как эти выводы, касающиеся ситуативной нормативности и понятия формы жизни, могут помочь улучшить понимание аффордансов? В начале этого раздела было введено определение, предложенное Чемеро [2003, 2009], согласно которому аффордансы — это отношения между признаками среды и способностями организмов. Чемеро справедливо подчеркивает различие между (по сути, нормативными) способностями и грубыми поведенческими предрасположенностями. «Предрасположенности (*dispositions*), — утверждает Чемеро, — не могут не оправдать надежд. Условия либо подходят, либо не подходят для их проявления» [Chemero 2009: 145]. Он также пишет:

«Даже когда я нахожусь на твердой поверхности, без ветра, будучи трезвым и в идеальном здравии, моя попытка подняться на ступеньку, которая предлагает мне такую возможность, может оказаться неудачной. Это нелепо в случае предрасположенностей, которые необходимым образом всегда проявляются, если наличествуют условия для их актуализации» [Chemero 2009: 190].

Можно также добавить, что когда индивид адекватно взаимодействует с аффордансом, это чаще всего будет реализацией *навыка*. В процессе его формирования индивиды становятся экспертами по части адекватных реакций и действий, предполагаемых в данной ситуации. Они приобретают все большую способность действовать одновременно умело и нерефлексивно, не раздумывая над тем, как следует поступить. Адекватность действий становится их второй природой. Более того, понимание, как и когда им следует действовать, становится очень точным. Они все больше и больше совершенствуют способность дифференцировать ситуации и распознавать, каких действий требуют обстоятельства каждой конкретной ситуации.

В том, что в основе концепции аффордансов должно лежать понятие способностей, мы согласны с Чемеро [2003, 2009]. Но Чемеро упускает из виду то, что в случае человека эти способности являются способностями индивида, который знает принципы реализации социокультурных практик и которому нужно, чтобы его действия были понятны в соответствии с достигнутым ранее общим согласием о характере действий в рамках этих практик. Нормативные стандарты, в соответствии с которыми взаимодействие действующего субъекта с аффордансами оценивается как более или менее удачное, основываются на практиках или обычаях (*customs*), связанных с определенными формами жизни. Тогда можно предложить альтернативу определению, введенному Чемеро: *Аффордансы — это отношения между аспектами материальной среды и способностями, доступными для данной формы жизни*. Заметьте, что для человека физическая среда будет слепком наших социокультурных практик в социокультурном пространстве. Таким образом, с нашей точки зрения, предпочтительнее говорить об аффордансах как об аспектах (*aspect*) среды, чем использовать термин Чемеро «признаки» среды (*features*)¹. В процессе воспитания внимания новичок научается избирательно выхватывать одни аспекты среды и игнорировать другие.

Реальность аффордансов

Можно возразить, что, понимая аффордансы как отношения между аспектами материальной среды и доступными для опре-

1 В данном случае *aspects* — это именно аспект, а *feature* — как раз свойство, характеристика. Авторы текста не согласны со структурой мира как набором свойств (характеристик, как это бы предполагалось в структуралистских моделях) и подчеркивают аспекты, которые могут потенциально быть замеченными и только тогда становятся свойствами (за это замечание переводчик благодарен АШ).

деленной формы жизни возможностями, мы оставляем под вопросом объективную реальность аффордансов. Разнообразие способностей предполагает, что в рамках одной формы жизни то, что одному агенту (действующему субъекту), обладающему необходимыми умениями, будет представляться как аффорданс, для другого, принадлежащего к этой же форме жизни, аффордансом являться не будет из-за недостатка соответствующих способностей. Таким образом, казалось бы, получается, что существование аффордансов зависит от индивидуальных способностей. Косталл [1999] высказывает похожее сомнение, когда говорит о том, что для человека аффордансы часто представляют собой результат социокультурных практик [Heft 2001: 134]. Каким образом аффордансы для человеческой формы жизни могут быть, с одной стороны, продуктом социокультурных практик, а с другой — существовать независимо от индивидуальных черт? Подобные вопросы могут подорвать убедительность реализма, которого придерживается в отношении аффордансов Гибсон [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988; см.: Chemero 2003; ср.: Chemero 2009; см.: Heft 2001]. Целью данного раздела будет отстоять позицию реализма аффордансов, которая основывается как на отношениях с материальной средой, так и на наличии способностей, характерных для конкретной формы жизни.

Вначале разграничим два уровня описания:

1. Форма жизни и составляющие ее структуры поведения (форма жизни, в рамках которой индивиды *потенциально* могут быть вовлечены во взаимодействие с аффордансами за счет имеющегося у них опыта).
2. Конкретная ситуация индивидуального вовлечения во взаимодействие с аффордансами через наработанные умения.

Основным тезисом раздела будет положение о существовании аффордансов, которые не зависят от вовлечения во взаимодействие с ними *конкретного* индивида в конкретной ситуации, но тем не менее существование аффордансов связано с формой жизни. Рид описывает это так [1996]:

«Экологическая ниша доступна для *популяции* организмов, даже если она не в полной мере используется каждым ее членом. Большая часть листьев допускает затыкание ими входов в норки, независимо от того, использует эту возможность или нет *конкретный* дождевой червь» [р. 26,; курсив. — *Авт. статьи*]¹.

1 В тексте Рида содержится отсылка ко второй главе работы: [Дарвин 1936: 139-140].

Вернемся снова к предложенному Чемеро [2003] определению аффордансов как отношений между особенностями среды и способностями организмов. Под «организмом», по-видимому, имеется в виду конкретный организм здесь и сейчас. Представляется, что Чемеро понимает организмы именно в таком индивидуализированном ключе в рамках своей концепции «аффордансов 2.0» [2009]:

«Рассмотрим взаимодействие во времени сенсомоторных способностей *животного* [курсив. — *Авт. статьи*]... и его ниши, которая представляет собой набор аффордансов, доступных животному... Ключевым будет то, что аффордансы и способности не просто определяются в терминах друг друга... но связаны причинно-следственными взаимодействиями в реальном времени и таким же образом зависят от друг друга» [р. 150-151; курсив. — *Авт. статьи*].

Заметим, что любой подход, который будет рассматривать аффордансы чего-либо, например, древесного листа в его отношениях с организмом здесь и сейчас (так, как, кажется, это делает Чемеро [2009] в случае с аффордансами 2.0), в результате приведет к невозможности считать характеристики аффордансов независимыми от воспринимающих их индивидов, или судить о потенциальных возможностях данной среды в том значении, в котором это описывает Рид [1996]. Это не невинная теоретическая ошибка, поскольку ее последствия будут заметны и в общественной жизни. Например, подразумевается, что незанятые школьные здания, аэропорты или принадлежащие государству и закрытые для посетителей дворцы не предлагают никаких возможностей для действий (аффордансов). Для нас это звучит абсурдно, различные способы использования этого пространства очевидны. Более того, подобная позиция способствует тому, что ресурсы этих пространств игнорируются и пускаются на ветер. Мы не приписываем эту ошибку Чемеро [2009]. В другом месте в своей книге он описывает реальность аффордансов как независимую от любого конкретного животного, которое их воспринимает и пользуется их преимуществами [р. 150]. Но тем не менее в его концепция аффордансов 2.0 этот момент остается нечетким.

Предлагаемую нами идею аффордансов, характерных для конкретной формы жизни, можно также найти у Гибсона [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988]:

«Понятие возможности ведет свое происхождение от понятий валентности, приглашения, навязывания, но у него есть одно решающее отличие. Возможности, которые сулит наблюдателю тот или иной объект, *не изменяются* при изменении потребностей наблюдателя. Наблюдатель может воспринять, а может и не воспринять воз-

возможность, может обратить или не обратить на нее внимание — это зависит от его потребностей, но возможность... всегда существует и всегда доступна для восприятия. Возможность не присваивается объекту потребностями наблюдателя и актом его восприятия этого объекта. Объект предоставляет только те возможности, которые он предоставляет, будучи таким, каков он есть. Конечно, *то, что объект из себя представляет*, мы определяем в терминах экологической, а не «физической» физики, и поэтому для нас он в первую очередь несет смысловую нагрузку и имеет конкретное значение. Но это значение и смысл нового типа.

Для Коффки ящик, который приглашает отправить письмо, был *феноменальным*, а не *физическим* почтовым ящиком. Однако такая двойственность пагубна. Я предпочитаю говорить о *единственном* реальном почтовом ящике (в системе почтовой связи), который дает возможность человеку, пишущему письмо, отправить его по почте... То, что человек испытывает особое влечение к нему, когда у него есть неотправленное письмо, неудивительно, однако главное то, что почтовый ящик воспринимается как часть окружающего мира — как элемент окружения, в котором мы живем» [р. 138-139; с. 205-206].

186

Как может какой-либо объект «в первую очередь нести смысловую нагрузку», так сказать, объективно, независимо от индивида? Согласно Витгенштейну [Wittgenstein 1953; Витгенштейн 1999], такой тип объективного значения можно понять через форму жизни. Не так важно, как мы что-то делаем. Примечательно, как в приведенной выше цитате Гибсон [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] сходным образом подчеркивает, что, если мы пытаемся понять реальную объективность аффордансов, значение имеет только *практика* (т. е. «система почтовой связи» в сообществе людей), в которой закрепляется способность («написание писем»).

Хотя существование аффордансов не зависит от того, что делает какой-то конкретный индивид, аффордансы не могут существовать независимо от формы жизни. Ниши и формы жизни взаимозависимы, таким образом, если животные, принадлежащие к определенной форме жизни, вымрут, ниша этого вида также перестанет существовать.

Аффордансы составляют лишь аспект ниши, поэтому, если ниша, к которой принадлежат аффордансы, исчезнет, также исчезнут и аффордансы. Тем не менее аспекты материальной среды могут создавать возможности и для других форм жизни, где есть соответствующие способности. Палка, например, может использоваться как грабли для приближения объектов, расположенных вне зоны досягаемости. Для любого животного, обладающего способностью использовать грабли таким образом, они предоставляют аффор-

данс заполучить недоступные до этого объекты. Соответствующая способность предполагает, что грабли можно держать за ручку, а не за зубцы¹.

Если мы согласны с Гибсоном [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] и Ридом [1996] и признаем первичность экологической ниши, рассматривая аффордансы в контексте *форм жизни*, аффордансы приобретают реальность, независимо от того, взаимодействует ли с ними какое-либо конкретное животное здесь и сейчас [ср.: Neft 2001: 132-135]. Стулья в вашем офисе допускают возможность сидения на них, даже когда никто на них не садится или никого нет в здании. Отчасти это материальная структура стульев позволяет кому-либо, кто обладает соответствующей способностью, сидеть на них, независимо от того, использует ли кто-либо эту возможность в данный конкретный момент или нет [ср.: Chemero 2009: 149-150]².

Тогда можно предположить, что аффордансы не связаны со способностями отдельных индивидов, которые их воспринимают и обнаруживают. Существование аффордансов зависит от умений, доступных в рамках определенной практики, или, как мы предпочитаем это формулировать, от способностей, доступных для данной формы жизни в целом. Другими словами можно сказать, что аффордансы связаны с определенной формой жизни, если принадлежащие к ней организмы *потенциально* способны выявить эти аффордансы [Chemero 2009: 149-150; Neft 2001: 132]. Именно отдельные организмы *qua mobile*³, относящиеся к определенной форме жизни, могут выявить аффорданс.

Сравнение с подходом Витгенштейна к пониманию цвета будет полезным, чтобы разобраться, в каком смысле можно считать аффордансы объективно реальными. Относительная независимость от индивидуального восприятия сходна для цветов и аффордансов: окраска объекта не зависит от того, как она представлена в опыте какого-либо конкретного воспринимающего ее индивида. Тем не менее воспринимаемая окраска объектов не является в прин-

- 1 Здесь есть неявная отсылка к опыту Келера с шимпанзе, когда шимпанзе должны были достать банан с помощью двух палок, каждая из которых по отдельности не позволяла сбить фрукт. Султан (самая умная шимпанзе Келера) смогла соединить две палки, сделав инструмент наподобие «граблей», и тем самым решила поставленную задачу. Опыт был описан в книге 1917 года Келера “Intelligenzprüfungen an Anthropoiden” [«Разум у шимпанзе»].
- 2 Приведенный пример со стульями описывает проект бюро RAAAF (Rietveld-Architecture-Art-Affordance) Эрика и Рональда Ритвельдов и художницы Барбары Виссер «Хватит сидеть» (“The End of Sitting”) 2014 года.
- 3 Будучи мобильными (лат.)

ципе независимой от наших практик, например, в определенных ситуациях она может быть связана с практикой использования образцов для различения цветов. Один и тот же окрашенный объект может выглядеть совершенно по-разному в зависимости от условий освещения и восприятия. В рамках социокультурных практик мы вырабатываем способность видеть цвет объекта, несмотря на вариации, связанные с различными условиями восприятия [ср.: Ноё 2012].

Этот вдохновленный работами Витгенштейна подход можно найти и у Джона МакДауэлла [1998], когда он пишет, что хотя цвета не существуют независимо от нашей практики их названия и категоризации, они тем не менее *«присутствуют независимо от конкретного визуального опыта их восприятия»* [р. 146; курсив. — *Авт. статьи*]. Такой вывод поддерживается так называемыми «метаметрическими совпадениями», где физически различные стимулы (т. е. стимулы с различными отражающими свойствами) категоризируются как совпадающие по цвету [Hardin 1988; Thompson 1995]. Аффордансы реальны в том же смысле, как реальны цвета. И те, и другие не зависят от действий конкретного индивида, но зависят от *практик и способностей*, которые характеризуют форму жизни в целом.

188

Аффордансы, доступные в рамках формы жизни, обладают преимуществом перед теми, которые доступны только конкретным индивидам, еще и с другой точки зрения. Рассмотрим изобретения, которые расширяют зону возможных действий, доступных для данной формы жизни. Обычно эти изобретения выстраиваются на основе способностей и аффордансов, уже доступных в рамках различных практик. Они используют уже существующий богатый потенциал, которым обладает среда, например, создавая новые комбинации. Это можно проиллюстрировать примером из истории искусств. Практика масляной живописи стала возможной благодаря изобретению масляной краски, которая была создана путем нового сочетания уже имеющихся материалов: смешивания пигмента и высыхающих масел¹ [Boi 2012]. До изобретения масляной краски высыхающие масла использовались для других целей, а пигмент смешивался с другими веществами — яичным желтком или водорастворимым клеем. Принятое нами определение аффордансов предполагает, что если в существующих практиках уже был отработан навык смешивания пигментов с жидкими связующими, например, с яичным желтком, то *высыхающие масла уже представляли аффорданс создания масляной краски*. С учетом уже существовавших навыков подмешивание высыхающего масла для создания масля-

1 Речь идет именно о растительных маслах, которые выступают в качестве связывающего элемента.

ной краски *существовало как возможное действие в рамках данной формы жизни*, еще когда масляная живопись не существовала, то есть аффорданс или ресурс был доступен еще до того, как кто-либо его использовал. И хотя вопрос соотношения инноваций и аффордансов требует серьезных исследований, приведенный пример показывает, что наше понимание аффордансов позволяет объяснить, как открываются новые аффордансы, и даже строить предположения, как этот тип креативности можно развивать именно за счет применения уже существующих умений к новым аспектам среды.

Как было отмечено во введении, для творческих профессий важно более глубокое понимание природы аффордансов как отношений, поскольку оно предлагает новые способы увеличить нашу открытость для доступных ресурсов. Мы проверили эту идею на практике, включив ее как часть курса по адаптации пустующих зданий в известной школе искусств, Институте Сандберга, Академии Геррита Ритвельда [Rietveld и др. 2014]. Мы предложили студентам провести часть времени, работая в совершенно другой области, далекой от искусства или архитектуры, например, в биологических науках, поиске натуры [для съемок] или контейнерных перевозках. В зависимости от степени погружения в практики, далекие от их области деятельности, студенты выработали новые умения, которые позволили им предложить непривычные и часто неожиданные подходы к адаптации зданий.

189

Таким образом, речь идет о создании новых аффордансов или нетрадиционном использовании существующих. Это требует «прилежной» работы и импорта способностей из традиционно считающихся далекими сфер деятельности [Sennett 2008: 128; Сеннет 2018: 141]. Таким образом, можно говорить о том, что в рамках формы жизни бережного отношения заслуживает не только богатство материальной среды (которую обычно защищают агентства по охране наследия), но и разнообразие ремесел и в целом различных умений. Эти умения и практики также вносят свой вклад в создание богатого ландшафта аффордансов.

Что можно вынести с точки зрения реальности аффордансов из обсуждения, приведенного в этом разделе? В нем утверждалось, что существование аффордансов зависит и от материальной среды, и от способностей, характерных для той или иной формы жизни. Некоторые люди могут играть на пианино, но если люди навсегда утратят знание о том, как играть, пианино перестанут создавать аффорданс исполнения музыки. Тем не менее практики существуют только потому, что материальная среда создает условия для действий, в которых они реализуются. Практики не существуют независимо от материальной среды. Материалы, из которых сделано пианино, обладают порождающими свойствами, благодаря которым они могут быть использованы, чтобы играть музыку. Чтобы до конца понять реальность аффордансов, причинно-следственные связи между

вещами, которыми мы пользуемся в рамках различных практик, не менее важны, чем сами практики и способности. Хотя реальность аффордансов зависит от практик, которые можно найти в рамках формы жизни, это никоим образом не ставит ее под сомнение. Коротко говоря, если бы материальная среда не создавала благоприятные условия для определенных действий, наша форма жизни не включала бы связанные с ними практики. Посмотрите на то, как изобретение нового инструмента, например, водолазного снаряжения, может привести к возникновению новой практики, в данном случае подводного плавания. Точно так же физическая структура высыхающего масла и пигментов сделала возможным создание нового типа краски, использование которой привело к развитию практики масляной живописи. Такое понимание аффордансов, как и социальных, и экологических ресурсов, предполагает, что нестандартное использование навыков может лежать в основе открытия новых аффордансов, связанных с уже известными аспектами среды.

190

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что аффордансы реальны как минимум в двух смыслах. Во-первых, существование аффордансов не зависит от того, пользуются ли ими в данный момент индивиды, представляющие конкретную форму жизни. Будучи свойствами отношения, аффордансы зависят и от аспектов материальной среды, и от способностей, доступных для конкретной формы жизни. Во-вторых, наши практики сами по себе зависят от благоприятных условий, созданных материальной средой, в частности, от причинно-следственных связей между вещами, которые мы ставим на службу нашим целям и используем в своих проектах, например, когда создаем инструменты или используем высыхающие масла, чтобы сделать масляную краску. Конкретные действия, в которые мы вовлечены как участники отдельных практик, адаптируются к (изменяющимся) деталям каждой отдельной ситуации, реализованной в физическом пространстве [Zukow-Goldring 1997, 2012].

Аффордансы представляют собой не просто свойства среды обитания животного, которая рассматривается как физическая или материальная. Аффордансы составляют экологическую нишу конкретной формы жизни, и каждый аффорданс должен быть понят в связи со способностями, присущими данной форме жизни. В случае людей эти способности, как правило, приобретаются в ходе обучения и получения опыта в социокультурных практиках.

Взаимодействие: индивид и аффордансы

Мы показали различие между аффордансами в рамках формы жизни и в том виде, как они представлены для отдельного действующего индивида. Данный раздел будет посвящен второму из этих

уровней анализа. Аффордансы общедоступны и в принципе могут быть обнаружены любым индивидом с соответствующим опытом и тренировкой. На этом уровне действующего индивида аффордансы могут рассматриваться как полезные *ресурсы*, уже доступные в среде обитания, которые могут быть использованы при наличии соответствующих способностей [Reed 1996; ср.: Chemero 2009: 136-140]. Среда предлагает отдельному животному условия для действия независимо от его меняющихся способностей (играют свою роль не только умения, но также усталость или болезнь) и текущих забот.

Что делает один аффорданс более предпочтительным, чем другой, с точки зрения забот индивида в той или иной ситуации? Это одна из нерешенных и острых научных проблем. В недавней работе, посвященной аффордансам и применимости этого понятия, например, к архитектуре, Роб Витаген и его коллеги пришли к выводу, что можно наблюдать «явный прогресс» в понимании связи между телом и аффордансами. Но несмотря на это понимание:

«...приглашающий характер среды все еще требует исследований. В каких случаях аффордансы *настойчиво требуют* движения? В течение следующих нескольких лет мы надеемся сотрудничать с артистами, архитекторами и... дизайнерами, чтобы лучше понять приглашающий характер аффордансов. Такое понимание может стать важным для создания более здоровой городской среды, в которой люди активно перемещаются» (перевод авторов статьи) [Jongeneel, Withagen, Caljouw & Smith 2014: 8]; см. также; [Withagen, de Poel, Araújo & Pepping 2012] (курсив. — *Авт. статьи*).

191

Эксперты могут использовать наработанные умения при любом столкновении с внешней средой [Dreyfus 2002; Thompson 2007; Varela, Thompson & Rosch 1991]. Они встречаются со средой, переполненной аффордансами, и вычленивают из всех доступных аффордансов именно те, что соответствуют их интересам, предпочтениям и потребностям (т. е. тому, что далее будет называться «заботами») в данной ситуации. Им не нужно осознанно выбирать из всех действий, которые они могут совершить, именно ту последовательность действий, которая будет адекватна текущей ситуации. Они воспринимают, какое действие в данной конкретной ситуации требуется. В целом, по мере того как индивиды нарабатывают навыки, возрастает их способность адаптировать свои действия под специфические требования ситуации, в которой они оказываются. То, что опытные люди учатся делать годами, возвращается к ним в виде осмысленного восприятия мира. Мерло-Понти [Merleau-Ponty 1945/2002: 138; Мерло-Понти 1999: 183] называл этот отклик «интенциональной дугой» [ср.: Dreyfus 2002]. По мере того как агенты (действующие субъекты) становятся чувствительнее к различиям

между ситуациями, они также становятся все более чувствительными к отклику на свои действия. Они развивают очень детальный и критический взгляд на степень адекватности своих действий и их последствия, учась воспринимать, что адекватно, а что нет. Более того, развитие такой критической способности происходит неосознанно. Точные действия, адекватные требованиям конкретной ситуации, становятся второй природой агентов. Если продолжить метафору ощущений, эксперты обладают «нюхом», который позволяет им моментально «учуять», какие возможности для действий окажутся лучше или хуже в заданной ситуации.

Уже отмечалось, что в любой ситуации среда предлагает множество возможностей для действия. Некоторые аффордансы, предоставляемые средой, будут неактуальны для агента, поскольку они не соотносятся с его текущими заботами. Другие аффордансы сохраняются в периферийной зоне, как потенциально актуальные для него. Так, стакан воды, который стоит на моем столе, приготовлен, чтобы я смог попить, когда мне это понадобится. Аффорданс (стакан с водой, чтобы пить из него) становится требованием, когда он соответствует нашим динамично изменяющимся потребностям (например, возникает жажда) или, точнее, когда он способствует лучшему контролю (*one's grip*) над изменяющейся ситуацией [см.: Bruineberg & Rietveld 2014: 2-4]. Наконец, есть аффордансы, которые требуют от субъекта сделать что-то здесь и сейчас, как, например, дверная ручка, которая приглашает потянуть за нее, когда мы хотим войти в закрытую комнату. Каждый аффорданс может стать актуальным, когда он настойчиво приглашает (требует) или мотивирует индивида к действию, адекватному для текущей ситуации.

Способность действовать адекватно в соответствии с аффордансами в конкретной ситуации зависит от быстро меняющихся умений и забот каждого животного. Конкретные аффордансы, которыми можно воспользоваться в заданной ситуации, будут варьировать в зависимости от текущей деятельности и забот индивида. Один аффорданс может побуждать нас к действию сильнее, чем другой. Например, можно «испытывать особое влечение» к почтовому ящику, когда собираешься послать письмо [Gibson 1979/1986: 139; Гибсон 1988: 206]. Таким образом, то, что можно назвать «характером требования» (*“demand character”*) или «настойчивым требованием» (*“solicitation”*) [Dreyfus & Kelly 2007: 52] аффорданса, действительно связано с текущими заботами индивида (в отличие от существования самого аффорданса). Обычно только те аффордансы, которые улучшают контроль индивида над ситуацией [Bruineberg & Rietveld 2014: 2-4; Rietveld 2012a], будут приглашать его к действию и обладать свойством настойчивости.

Требования аффордансов проявляются в телесном состоянии «готовности к действию» [Frijda 1986, 2007]. Обнаружение аффорданса,

который соответствует тому, что заботит индивида в данной ситуации, способствует появлению телесно воплощенной «готовности к действиям» [Rietveld 2012a, 2014]. Во множестве реальных ситуаций многочисленные состояния готовности к действию взаимодействуют между собой, формируя динамику и направление действия.

Различие между аффордансами и требованиями важно, поскольку из множества аффордансов, доступных представителю данной формы жизни в конкретном месте в данный момент, большинство будет неактуально для индивида. Аффордансы, которые заставляют нас действовать, — это лишь те, которые актуальны с точки зрения наших забот. Без этого различения логично возникает вопрос, почему наш взгляд выбирает определенные актуальные аффордансы из ландшафта, включающего множества других (*landscape of affordances*). Более того, без этого различения архитекторы и исследователи человеческого движения [см.: Withagen et al. 2012], заинтересованные в создании более здоровой жилой среды, не смогут понять, почему некоторые аффордансы побуждают к движению, а другие не несут в себе такого настойчивого требования.

Мы предполагаем, что причиной того, что мы в большей степени готовы уступить требованиям одних аффордансов, нежели других, выступают уже имеющиеся у нас способности и заботы. Кроме того, когда введено понятие требования, можно также понять, как иногда мир может *мотивировать* нас действовать определенным образом. Когда мы испытываем склонность к конкретному действию, это происходит потому, что от нас этого требует одна из многих возможностей действия, доступных в данной ситуации.

193

Аффордансы для «высших» форм познания

В предыдущем разделе было показано, что гибсоновское понятие аффордансов [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] может трактоваться очень широко, включая большой набор явлений, которые могут быть найдены в рамках конкретной формы жизни. Нет никакой нужды ограничивать взаимодействие с аффордансами узким кругом двигательных навыков (например, брать чашку, забираться по лестнице, сидеть на стуле). Доступное людям разнообразие аффордансов так же богато, как способности и социокультурные практики, в ходе которых мы социализируемся, «усваивая навыки» [Ingold 2000/2011: 36]¹. Такое «усвоение навыков» может быть реализовано только в уже

1 Понятие Ингольда *enskilment* введено им как противопоставление *enculturation*, этим он противопоставляет следование общественным нормам следования за поведением более опытных людей.

упорядоченном материальном пространстве. Некоторые человеческие способности разделяются всеми, некоторые нет, из-за того, что все участвуют в различных социокультурных практиках. Гибсон справедливо отметил, что аффордансы включают «целую область социальных значимостей» [р. 128; с. 190], и поскольку на высшем уровне развития, когда вокализация становится речью, а рукотворные объекты для показа — картинами и письменами, человеку открываются поистине *ошеломляющие возможности* [р. 137; с. 203; курсив. — *Авт. статьи*].

Уникальная способность человека использовать речь создает несравнимую по насыщенности и многообразию (*complexity*) предоставляемых для действий возможностей [экологическую] нишу. Язык открывает нам возможность отвечать за свои слова и действия перед другими людьми. Мы считаем, что практики объяснения и выяснения мотивов поступков также можно объяснить в терминах умелого взаимодействия с аффордансами. Такие способности и практики обычно не рассматриваются в рамках экологической психологии. В этом преимущество предлагаемого подхода к исследованию аффордансов — он может быть применен и к так называемым «высшим» способностям человека. Например, к таким функциям будет относиться умение строить *адекватные* перцептивные суждения — базовая способность, лежащая в основе пропозиционально артикулируемых форм знания. Так, когда мы выходим поискать листья мяты, чтобы сделать чай, а кто-то из друзей тянется за крапивой, мы можем остановить его или ее, сказав: «Это не лист мяты, это крапива». Поступая так, мы как опытные пользователи используем аффордансы, которые листья крапивы имеют в нашей форме жизни: этот лист предоставляет возможность сделать корректный вывод, что для нашей формы жизни это крапива.

Вернемся к ранее поднятому вопросу, как можно определить, насколько правильно поступает умелый пользователь. Когда мы судим о среде определенным образом (например, что данный лист — лист крапивы), мы отвечаем перед другими людьми за то, что мы сказали. Суждения, которые допускает среда, частично зависят от способностей, которые реализуются в социокультурных практиках, и то, правильно мы отвечаем или нет, начинает зависеть от степени согласованности с этими практиками. Приемлемость действия будет определять то, как мы реализуем конкретную практику. Соответствие действия коллективным практикам показывает, правилен ли ответ на аффорданс. Но если это так, не теряем ли мы связь с объективной реальностью? Может возникнуть ощущение, что основа нашего суждения больше не связана с объективной реальностью. Кажется, что вместо этого пра-

вильность суждения зависит от того, согласуется ли оно с тем, что другие члены сообщества будут говорить или, если взять шире, делать. Когда аффордансы оказываются сведены к способностям, доступным в рамках определенной формы жизни, возникает риск потерять сцепление с эмпирической реальностью, на которой основывается объективность наших эмпирических суждений. Как можно решить эту проблему?

Мы предложили считать аффордансами только те аспекты среды, которые связаны со способностями, доступными в определенной форме жизни. Таким образом, правильность суждений будет зависеть и от материальной среды, и от социокультурной практики. Простой пример: красная ручка не допускает заполнения таможенной формы, которая должна быть заполнена синей. Красная ручка не предполагает возможности действия отчасти из-за чернил — физический факт о ручке, который может рассматриваться как ограничивающее условие среды, — но также из-за норм, которые регулируют заполнение таможенных форм, это требования, связанные с практикой их заполнения. Эмпирические ограничения нашего перцептивного суждения в этом случае имеют источником не чей-либо личный внутренний опыт, но аффордансы среды, присутствующие в нашей нише.

195

С учетом вышесказанного можно обратиться к примеру с восприятием обрыва, который приводит Гибсон [Gibson 1979/1986: 157-158; Гибсон 1988: 203-204]. Гибсон отмечает, что у восприятия аффордансов края обрыва есть определенный приоритет. Он пишет: «...животные нуждаются не в восприятии компоновки как таковой, а в восприятии *аффордансов* этой компоновки» [р. 158-159, с. 203-204]. Описываемые возможности данной формы жизни, компоновка (или, если рассматривать ее шире, структура) среды обитания допускает множество вариантов действий: ее можно наблюдать, можно ее адекватно описать как обрыв, можно лечь на землю и посмотреть за край обрыва, можно утверждать или выносить суждение о том, что этот обрыв небезопасен для проведения детского футбольного матча, можно взять частицу вертикальной стены обрыва и проанализировать ее в химической лаборатории и так далее. Важно также заметить, что есть определенные вещи, делать которые обрыв не допускает. Это не тот случай, когда возможно все. Есть определенные *ограничения*, которые накладывает на нас материальность и компоновка среды или ее поверхностей, так же как практики, в которых мы участвуем, и способности, которыми мы обладаем: например, край обрыва не предполагает возможности передвигаться по нему, назвать его плоскостью или полететь на нем в Нью-Йорк.

Возможность правильно назвать эту часть ландшафта обрывом — очевидный пример аффорданса, в основе которого лежит

нормативность. Этот тип аффордансов важен для философов, поскольку умение правильно видеть и определять вещи как они есть является фундаментальным для получения знаний. Для последователей Гибсона такой подход тоже должен быть важен, поскольку когда Гибсон [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] описывает аффордансы как «целую область [курсив. — Авт. статьи] социальных значимостей» [р. 127-128; с. 190], это очевидным образом связано с поиском знаний.

Таким образом, можно предположить, что аффордансы в правильном их понимании уже накладывают необходимые ограничения со стороны эмпирической реальности на наши эмпирические суждения. Похожие рассуждения можно найти и у Гибсона [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988]:

«Если возможности вещей воспринимаются правильно, мы говорим, что они выглядят такими, каковы они *есть*. Но мы, конечно, должны *уметь* видеть, чем является вещь на самом деле. Например, лист, который выглядит вполне невинно, может оказаться крапивой, а раздающий обещания политик — демагогом. И научиться этому порой бывает очень трудно» [р. 142; с. 211].

196

Можно сказать, что вещи позволяют понять, каковы они есть. Например, буквы, которые появляются на экране ноутбука, на котором мы готовим презентацию в PowerPoint, дают возможность правильно распознать, что они красного цвета, как и было задумано. Когда мы покупаем галстук в магазине, галстук позволяет оценить, какого он в реальности цвета, если отнести его в ту часть магазина, где есть естественное освещение. Галстук предполагает возможность такого действия только потому, что мы приобрели способность правильно судить о цветах, то есть практическое понимание, как может изменяться цвет объекта в зависимости от различных условий освещения. Более того, обычно, когда мы используем аффорданс, мы совершаем точные действия, которые подстроены и гибко калибруются под то, чем являются вещи в данной конкретной ситуации, например, в работе архитектора [см.: Rietveld 2008]. Конкретная деятельность, в которую мы вовлечены как участники определенных практик, адаптируется под (изменяющиеся) условия данной материальной ситуации. Сходные наблюдения сделали исследователи, занимающиеся распределенными когнитивными процессами (*distributed cognition*), хотя они и описывают их, используя принципиально иной концептуальный подход [Hutchins 1995; Perry 2010].

Именно внешний мир, настойчиво предлагающий актуальные аффордансы, с которыми индивид сталкивается в конкретной ситуа-

ции, побуждает его предпочесть одно действие другому. Пока я печатаю этот текст, сам того не замечая, вовлекаюсь и пью кофе из чашки, которая стоит рядом с моим ноутбуком. Тем самым я использую один из множества аффордансов чашки. Моя чашка с кофе приглашает меня выпить кофе из нее, но также предлагает возможность воспользоваться речью и сказать, что на чашке, которую я беру, написано «1369 COFFEE HOUSE».

Проведенный анализ аффордансов позволяет создать структуру для понимания различий и сходства между животными и людьми:

«Люди — это животные, развивающиеся на нашей планете, так же как все остальные животные. Мы уникальны тем, что мы имеем особый образ жизни — свою собственную экологическую нишу, если угодно, — но каждый вид животных также ведет уникальный образ жизни» [Reed 1996: 96-97].

Любые различия, которые можно провести между людьми и другими животными, связаны со *способностями*, развитыми в рамках различных [экологических] ниш и практик. В нашей нише — нише формы жизни, которая характеризуется способностью к речи, — от умелого пользователя языка может требоваться множество вещей, которые люди могут делать с помощью слов [Austin 1962; Н. Н. Clark 1996].

197

Заключение: значение подхода к аффордансам с точки зрения умений и практик для эмпирических исследований, философии и общества

Проведенный в статье анализ аффордансов имеет не только философское и теоретическое значение, как мы показывали до сих пор, но также может способствовать решению ряда проблем, давно существующих в когнитивной науке (в сфере воплощенного и ситуативного познания). Возьмем, например, чувствительность к контексту, характерную для интуиции эксперта, или умелое взаимодействие с повседневной средой обитания. Проблема, как охарактеризовать и выделить *контекст* ситуации, до сих пор остается нерешенной в когнитивной науке [Barrett, Mesquita & Smith, 2010; Dreyfus 2008; Haselager & Van Rappard 1998; Wheeler 2005]. Как можно научно обосновать способность агента выбрать подходящий поступок в конкретной ситуации с учетом того, что всегда есть неисчислимое количество возможных действий? То, как мы определяем аффордансы, может помочь ученым в постановке правильных вопросов для решения этой проблемы. Интересно, что в рамках нашего подхода

«контекст» следует понимать как богатый ландшафт аффордансов, в котором разворачивается умелое действие. Как видно из предыдущей части, аффордансы для «высших» форм познания — просто еще один набор аспектов, которые могут быть найдены в ландшафте аффордансов. Когда мы начнем лучше понимать характер умелого взаимодействия с этим ландшафтом, мы начнем лучше понимать и чувствительность к контексту [см.: Bruineberg & Rietveld 2014; Kiverstein & Rietveld 2012; Rietveld 2008, 2012b; Rietveld, De Haan & Denys 2013]. Таким образом, контекст возвращается в когнитивную науку.

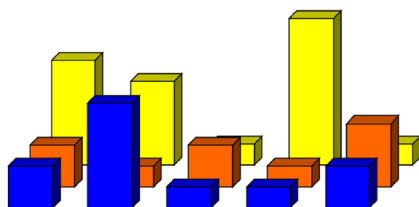
Исследования воплощенного познания [Chemero 2009; Thompson 2007; Varela et al. 1991] с самого начала сталкиваются с упреком, что, хотя объяснительные модели, которые они предлагают, хорошо работают для сенсомоторного поведения, они оказываются неприменимы к ситуациям, связанным с так называемыми «высшими» формами познания [Kirsh 1991]. Примеры «высших» форм, которые обычно приводят, включают умение рассуждать на отвлеченные темы, об отсутствующих или несуществующих вещах, понимание речи, решение математических и логических задач. Все это представляет собой примеры познания, «нуждающегося в репрезентациях» (*representation-hungry*) [A. Clark & Toribio 1994]. Исходя из того, что эти формы познания зависят от действий с разными типами репрезентаций, можно предположить, что они не могут быть объяснены в терминах использования аффордансов. Но если тем не менее всерьез признать, что аффордансы зависят от способностей, доступных для данной формы жизни, то открываются новые возможности решения проблемы, которую представляют собой «высшие» формы познания для теории воплощенного познания. Тогда становится возможным рассматривать «высшие» познавательные способности в терминах умелых действий в рамках реализации практик и в терминах используемых в этих практиках материальных ресурсов.

С этой точки зрения предполагаемый разрыв между «низшими» и «высшими» формами познания представляет собой в значительной степени искусственную и проблематичную дихотомию. Так же как и развитая «низшая» познавательная деятельность, «высшие» функции познания могут быть представлены как избирательно вовлеченные в конкретных ситуациях во взаимодействие с богатым ландшафтом аффордансов. Это требует исследования «высших» форм познавательной деятельности в контексте тех конкретных ситуаций реальной жизни, в которых они разворачиваются. Как, например, архитекторы используют аффордансы для решения проблем, возникающих в процессе проектирования [Rietveld et al. 2014]?

На самом примитивном уровне, общем для нас и других животных, восприятие можно понимать как открытость к аффордансам. Как было показано, этот вывод важен для философии. Открытость к аффордансам может быть описана как готовность индивида использовать релевантные возможности для действия. Если точнее, открытость к аффордансам включает готовность действовать в соответствии с данной конкретной ситуацией, к которой мы готовы и в которой знаем, как действовать, за счет обучения, полученного в ходе наработки навыка [ср.: McDowell 1998: 64].

Последняя область, в которой мы начали применять идеи, изложенные в этой статье, — это психиатрия. Эти идеи позволяют понять, какие изменения переживают пациенты с обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР), которые проходят лечение с помощью глубокой стимуляции мозга (ГСМ) [DBS; De Haan, Rietveld, Stokhof & Denys 2013; Rietveld et al. 2013]. В этих работах мы предполагаем, что некоторые психиатрические расстройства могут в целом влиять на взаимодействие с аффордансами, нарушая способность личности отвечать на социальные аффордансы, пространственные аффордансы, познавательные аффордансы и способность рефлексировать. Данная гипотеза успешно помогла нам проинтерпретировать изменения в субъективных отчетах пациентов с ОКР, которым провели ГСМ. Пациенты испытали быструю и глобальную смену способности ориентироваться в окружающем мире, которую не удастся адекватно зафиксировать с помощью привычных психиатрических шкал «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам» [DSM-5, Американская психиатрическая ассоциация 2013]. Руководство традиционно делает акцент только на симптомах и игнорирует глобальные эффекты расстройств: в сфере социальных взаимодействий, степени открытости личности окружающему миру и использования аффордансов, которые предлагает среда обитания. Если ставить целью понять влияние ГСМ на пациента и его благополучие, необходимо обратить внимание на изменения во взаимодействии пациентов с аффордансами и в субъективном опыте пациентов (first-person experience). Благополучие пациентов является важным фактором, который учитывается при подборе параметров ГСМ и проведении лечения в целом.

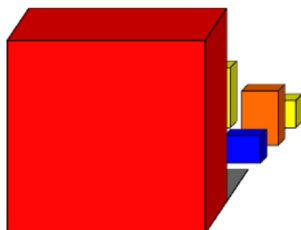
Благодаря сочетанию методов количественных исследований и феноменологического анализа опыта пациентов с опорой на анализ аффордансов, проведенный ранее, мы обнаружили, что весь характер жизни пациентов в реальном мире, по-видимому, изменился после ГСМ [De Haan et al. 2013] (см. рис. 1).

(а) Нормальное состояние

(б) Депрессия

(в) ОКР

Рисунок 1. Схема различных областей актуальных аффордансов¹. Из De Haan, Rietveld, Stokhof and Denys [2013: 7]. © De Haan, Rietveld, Stokhof and Denys. Creative Commons license applies.

Пояснения к иллюстрации из исходной публикации: «Высота указывает на степень значимости, в то время как цвета призваны показать доступность аффективной значимости. Аффорданс может быть очень актуальным, потому что он кажется опасным для жизни (например, красным), или потому что он связан с человеком, в которого мы влюблены (например, розовый)».

Предложенная нами концептуализация воплощенного познания, ключевыми понятиями которой стали готовность к аффордансам

1 Оригинальное название: Sketch of different fields of relevant affordances. From De Haan, Rietveld, Stokhof, and Denys (2013, p. 7). Цветные версии одной или нескольких иллюстраций можно найти онлайн на сайте tandfonline.com/heco.

и вовлеченность в их использование, позволила выделить и систематизировать значительное количество изменений в непосредственном опыте пациентов. Конкретнее, мы предположили, что изменения у пациентов с ОКР после лечения ГСМ происходят по трем измерениям их взаимодействия с полем актуальных аффордансов: (а) полнота спектра используемых аффордансов («ширина»); (б) временной горизонт/предвосхищение («глубина»); (в) актуальность или настойчивость требований (solicitation) воспринимаемых аффордансов («высота»). С учетом влияния ГСМ можно прийти к выводу, что после завершения курса лечения пространство актуальных аффордансов пациентов отражает их цели за пределами (доминировавшего до этого) постоянного стремления снизить напряжение и беспокойство, характерное для ОКР. После того как сняты накладываемые тревогой искажения, пространство аффордансов пациентов отражает то, что на самом деле важно для них. Другими словами, благодаря курсу ГСМ восстанавливается более разнообразное и сбалансированное поле актуальных аффордансов.

Идея того, что множество аффордансов, доступных человеку как виду, находятся в публичном доступе, имеет огромное социальное, культурное и экономическое значение. Например, в такой перспективе необычайно богатым сосредоточием ресурсов представляются пустующие здания. Огромный потенциал этих ресурсов был исследован в рамках экспозиции *Vacant NL* на Венецианской архитектурной биеннале в 2010 году и представлен в «Голландском атласе пустых пространств» (*Dutch Atlas of Vacancy*). В Нидерландах сегодня сотни зданий, находящихся в государственной собственности, простаивают незанятыми. Эти здания представляют огромное разнообразие пространств, так как они были построены для различных целей: маяки, больницы, водонапорные башни, фабрики, аэропорты, ангары, офисы, оздоровительные центры, крепости, бункеры, школы, бассейны и многие другие. Эти уникальные здания построены в разные времена в соответствии с функциями, технологиями и использованием материалов, характерным для каждого отдельного периода. Поэтому эти здания *неповторимы* (*nonreproducible*). Благодаря их разнообразию незанятая собственность предоставляет бесчисленное количество аффордансов [Rietveld et al. 2014]. Незаменимые возможности для действия, предлагаемые пустующими пространствами, будут провоцировать всевозможные эксперименты со стороны предпринимателей (или даже шире, организаторов), обладающих оригинальными идеями, когда будет открыт доступ к этому резервуару ресурсов. Например, пустующая школа, если ее открыть, будет продуктивным местом в ландшафте аффордансов, которое может быть использовано для различных целей: для показа кино, как галерея или рабочее пространство для молодых разработчиков приложений.

Наша экологическая ниша гораздо богаче, чем можно было бы предположить. Частично ее потенциал зависит от множества физических структур (например, зданий различных эпох и культур), а частично он связан с набором разнообразных человеческих способностей. Каждая конкретная ситуация предлагает огромное количество ценных возможностей для действия, которые могут мотивировать человека (некоторые аффордансы делают это уже тысячами, например, возможности для социальных взаимодействий, связанные с очагом, костром и красителями). Поскольку эти действия могут быть полезны и для нас, наша открытость аффордансам и их исследование приобретают смысл.

«Восприятие возможностей... это процесс восприятия экологических объектов, насыщенных значениями. Любое вещество, любая поверхность, любая компоновка обязательно кому-нибудь предоставляют какие-то возможности (полезные или вредные). Физика может обойтись без значений, а экология — нет» [Gibson 1979/1986: 140; Гибсон 1988: с. 207].

Учитывая, что все эти ценные аффордансы находятся в публичном доступе, можно ли утверждать, что только наши невежество и неумение ограничивают обращение к этим потенциально ценным ресурсам в ходе наших практик? Если да, то такой вывод может потребовать пересмотра образовательных практик [Rietveld et al. 2014]. Должны ли мы уделять больше внимания развитию умений находить нетрадиционные, но актуальные аффордансы? Должны ли мы сами, как российский император Петр Великий, расширять свой горизонт за счет знакомства с практиками других (суб)культур, чтобы перенять их умения и научиться воспринимать ценные аффордансы, которыми они пользуются? То, что полезно для них, может представлять интерес и для нас.¹

1 *Благодарности.* Мы благодарим Дуарто Араухо, Маржولين Бол, Анн Брауверс, Майкла Браунштейна, Леона де Бруин, Йелле Брюйненберга, Алана Косталла, Дамиана Дэниса, Ами Дики, Гуса Дикса, Добри Дотова, Саннеке де Хаан, Нико Фрейда (Фриджа), Геррита Гласа, Яну ван Грюнсвен, Сару Хейниямаа, Фреда Кейзера, Шона Келли, Пима Классена, Джоэла Крюгера, Доротею Легран, Марека МакГанна, Клэр Михаэлс, Дэрмота Морана, Яна Слаби, Марка Слорса, Мартина Стохова, Дерекка Страйбоса, Расмуса Тибо Йенсена, Пауля Возстерманса, Мартена ван Вестена и Робба Витагена за комментарии, предложения, критику и обсуждение более ранних версий этой статьи. Мы также плодотворно обсуждали ее со многими другими коллегами, в том числе в рамках семинаров, организованных в Ирландской королевской академии (Дублин), Университете Питтсбурга, Университете Эдинбурга, Университете Амстердама (Департамент философии и Центр когнитивных наук (CSCA)), Университете Антверпена, Свободном университете (Берлин), Университете Неймегена имени святого Радбода Утрехт-

Библиография / References

- American Psychiatric Association (2013) *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.). Arlington, VA.
- Austin L. (1962) *How to do things with words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Barrett L. F., Mesquita B., & Smith E. R. (2010) The context principle. In B. Mesquita, L. F. Barrett, & E. R. Smith (Eds.), *The mind in context*, 1–24. London, UK: Guilford Press.
- Bol M. (2012) *Oil and the translucent: Varnishing and glazing in practice, recipes and historiography*, 1100–1600.
- Bruineberg J., Rietveld E. (2014) Self-organization, free energy minimization, and optimal grip on a field of affordances. *Frontiers in Human Neuroscience*, 8(599). <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00599>
- Cavell S. (1969) *Must we mean what we say?* New York, NY: Scribner's Sons.
- Chemero A. (2003) An outline of a theory of affordances. *Ecological Psychology*, 15(2): 181–195. https://doi.org/10.1207/S15326969ECO1502_5
- Chemero A. (2009) *Radical embodied cognitive science*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Clark A., & Toribio P. (1994) Doing without representing. *Synthese*, 101(3): 401–431. <https://doi.org/10.1007/BF01063896>
- Clark H. H. (1996) *Using language*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Costall A. (1999) An iconoclast's triptych: Edward Reed's ecological philosophy. *Theory & Psychology*, 9: 411–416.
- Darwin C. R. (1881) *The formation of vegetable mould, through the actions of worms, with observations on their habits*. London, UK: John Murray¹.
- De Haan S., Rietveld E., Stokhof M., & Denys D. (2013) The phenomenology of deep brain stimulation-induced changes in OCD: An enactive affordance-based model. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7(653), 1–14. <http://dx.doi.org/10.3389/fnhum.2013.00653>

203

ского, Университете Гронингена, Центре исследований субъективности (Копенгаген), в рамках Европейского воркшопа по экологической психологии и конференции Международной ассоциации тюрем и колоний в Лиссабоне. Особая благодарность Тони Чемеро, Гарри Гефту, Хуберту Дрейфусу и Алву Ноз за консультации, касающиеся Гибсона, а также рецензентам и редактору журнала «Экологическая психология» за их комментарии. Финансовая поддержка. Эрик Ритвельд благодарит за финансовую поддержку, которую он получил от Нидерландской организации научных исследований (NWO) в виде гранта по программе VIDI. В оригинале список дан в алфавитном порядке фамилий; чтобы не нарушать соответствия английского и русского написания имен, сохранен порядок перечисления имен в оригинале.

- 1 Рус. перевод: Дарвин Ч. (1936) *Образование растительного слоя земли деятельностью дождевых червей и наблюдения над их образом жизни*. СПб.: Биомедгиз.

Dreyfus H. L. (2002) Intelligence without representation: Merleau-Ponty's critique of mental representation. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 1: 367–383. <http://dx.doi.org/10.1023/A:1021351606209>

Dreyfus H. L. (2008) Why Heideggerian AI failed and how fixing it would require making it more Heideggerian. In P. Husbands, O. Holland, & M. Wheeler (Eds.), *The mechanical mind in history* (pp. 331–371). Cambridge, MA: MIT Press.

Dreyfus H. L., Kelly S. D. (2007) Heterophenomenology: Heavy-handed sleight-of-hand. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 6: 45–55. <http://dx.doi.org/10.1007/s11097-006-9042-y>

Frijda N. H. (1986) *The emotions*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Frijda N. H. (2007) *The laws of emotion*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Gibson J. J. (1986) *The ecological approach to visual perception*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. (Original work published 1979)¹.

Hanfling O. (2002). *Wittgenstein and the human form of life*. London, UK: Routledge.

Hardin C. L. (1988). *Color for philosophers: Unweaving the rainbow*. Indianapolis, IN: Hackett.

Haselager W. F. G., Van Rappard J. F. H. (1998) Connectionism, systematicity, and the frame problem. *Minds and Machines*, (8):161–179. <http://dx.doi.org/10.1023/A:1008281603611>

Heft H. (2001) *Ecological psychology in context: James Gibson, Roger Barker, and the legacy of William James's radical empiricism*. Mahwah, NJ: Erlbaum.

Hutchins E. (1995) *Cognition in the wild*. Cambridge, MA: MIT Press.

Ingold T. (2021) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003196662>

Ingold T. (2013) *Making: Anthropology, archaeology, art and architecture*. New York, NY: Routledge.

Jongeneel D., Withagen R., Caljouw S., & Smith J. (2014) *Affordances: Een bruikbaar concept voor architectuur, stedenbouw en design* [Affordances: A useful concept for architecture, urban planning and design]. Unpublished manuscript.

Kirsh D. (1991) Today the earwig, tomorrow man? *Artificial Intelligence*, 47(1–3): 161–184. [http://dx.doi.org/10.1016/0004-3702\(91\)90054-N](http://dx.doi.org/10.1016/0004-3702(91)90054-N)

Kiverstein J., Rietveld E. (2012) Dealing with context through action-oriented predictive processing. *Frontiers in Theoretical and Philosophical Psychology*, 3(421): 1–2. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00421>

Laland K. N., Odling-Smee J., Feldman M. W. (2000) Niche construction, biological evolution, and cultural change. *Behavioral and Brain Sciences*, 23 (1):131–146. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00002417>

McDowell J. (1998) *Mind, value, and reality*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

1 Рус. перевод: Гибсон Дж. (1988) *Экологический подход к зрительному восприятию*. М.: Прогресс.

- Merleau-Ponty M. (2002) *Phenomenology of perception* (C. Smith, Trans.). London, UK: Routledge.
- Michaels C. F. (2003) Affordances: Four points of debate. *Ecological Psychology*, 15(2): 135-148. https://doi.org/10.1207/S15326969ECO1502_3
- Noë A. (2009) *Out of our heads: Why you are not your brain, and other lessons from the biology of consciousness*. New York, NY: Hill and Wang.
- Noë A. (2012) *Varieties of prescence*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Perry M. (2010) Socially distributed cognition in loosely coupled systems. *AI & Society*, 25: 387 — 400. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-49115-8_2
- Reed E. S. (1996) *Encountering the world: Toward an ecological psychology*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Rietveld E. (2008) Situated normativity: The normative aspect of embodied cognition in unreflective action. *Mind*, 117(468): 973-1001. <https://doi.org/10.1093/mind/fzn050>
- Rietveld E. (2012) Bodily intentionality and social affordances in context. In F. Paglieri (Ed.), *Consciousness in interaction: The role of the natural and social context in shaping consciousness*, 207-226. Amsterdam, The Netherlands: Benjamins. <https://doi.org/10.1075/aicr.86.11rie>
- Rietveld E. (2012) Context-switching and responsiveness to real relevance. In J. Kiverstein & M. Wheeler (Eds.), *Heidegger and cognitive science: New directions in cognitive science and philosophy* (pp. 105-135). Basingstoke, Hampshire, UK: Palgrave Macmillan.
- Rietveld E., De Haan S., & Denys D. (2013) Social affordances in context: What is it that we are bodily responsive to? Commentary on Schilbach et al. *Behavioral and Brain Sciences*, 36(4): 436. <http://dx.doi.org/10.1017/S0140525X12002038>
- Rietveld R., Rietveld E., Bey J., Mackic A., Visser B., Van de Wiel E. & Zoeteman M. (2014). *Vacancy studies: Experiments and strategic interventions in architecture*. Rotterdam, The Netherlands: NAI010 Publishers.
- Sennett R. (2008) *The craftsman*. New Haven, CT: Yale University Press¹.
- Silva P., Garganta J., Araújo D., Davids K. & Aguiar P. (2013) Shared knowledge or shared affordances? Insights from an ecological dynamics approach to team coordination in sports. *Sports Medicine*, 43(9): 765-772. <http://dx.doi.org/10.1007/s40279-013-0070-9>
- Stein H. P. (1997) *The fiber and the fabric: An inquiry into Wittgenstein's views on rule-following and linguistic normativity* (Doctoral thesis, University of Amsterdam/ILLC, The Netherlands).
- Thompson E. (1995) Color vision, evolution and perceptual content. *Synthese*, 104(1): 1-32. <https://doi.org/10.1007/BF01063672>
- Thompson E. (2007) *Mind in life: Biology, phenomenology, and the sciences of mind*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

1 Рус. перевод: Сеннет Р. (2018) *Мастер*. М.: Strelka Press.

Varela F. J., Thompson E. & Rosch E. (1991) *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA: MIT Press.

Wheeler M. (2005) *Reconstructing the cognitive world: The next step*. Cambridge, MA: MIT Press.

Whyte W. H. (Director) (1980) *The social life of small urban spaces* [Motion picture]. USA: Direct Cinema Limited. United States.

Withagen R., de Poel H. J., Araújo D. & Pepping G. J. (2012) Affordances can invite behavior: Reconsidering the relationship between affordances and agency. *New Ideas in Psychology*, 30(2): 250–258. <http://dx.doi.org/10.1016/j.newideapsych.2011.12.003>

Wittgenstein L. (1953) *Philosophical investigations*. Oxford, UK: Blackwell¹.

Wittgenstein L. (1978) Lectures on aesthetics. In L. Wittgenstein (Ed.), *Lectures and conversations on aesthetics, psychology and religious belief*, 1–40. Oxford, UK: Blackwell².

Wittgenstein L. (1983) *Remarks on the foundations of mathematics* (Rev. ed.). Cambridge, MA: MIT Press. (Original work published 1956)³.

Wittgenstein L. (1993) Cause and effect: Intuitive awareness. In J. C. Klagge & A. Nordmann (Eds.), *Philosophical occasions 1912–1951*, 368–426. Indianapolis, IN: Hackett.

Zukow-Goldring P. (1997) A social ecological realist approach to the emergence of lexicon: Educating attention to amodal invariants in gesture and speech. In C. Dent-Read & P. Zukow-Goldring (Eds.), *Evolving explanations of development: Ecological approaches to organismenvironment systems*, 199–250. Washington, DC: American Psychological Association.

Zukow-Goldring P. (2012) Assisted imitation: First steps in the seed model of language development. *Language Sciences*, 34(5): 569–582. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2012.03.012>

Эрик Ритвельд — профессор (именная профессура имени Сократа) Департамента философии, Института логики, языка и вычислений и Академического медицинского центра Университета Амстердама, сооснователь междисциплинарного и экспериментального бюро RAAAF [Rietveld Architecture-Art-Affordances].

Юлиан Киверстейн — доцент нейрофилософии Института логики, языка и вычислений Университета Амстердама. E-mail: d.w.rietveld@amc.uva.nl

1 Рус. перевод: Витгенштейн Л. (1994) *Философские исследования*. Витгенштейн Л. *Философские работы*: Ч. 1. М.: Гнозис: 75–319.

2 Рус. перевод: Витгенштейн Л. (1999) *Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии*. М.: Дом интеллектуальной книги.

3 Рус. перевод: Витгенштейн Л. (2007) *Заметки по основаниям математики*. Раздел VI. *Epistemology & Philosophy of Science*, 12 (2): 220–240.